

Олександр ПІРОШНИЧЕНКО
Науковий співробітник
Національного
заповідника «Глухів»

Ювелірне мистецтво на Глухівщині в давньоруські часи

Донедавна питання існування на території середньовічного Глухова і його округи ювелірних майстерень було відкритим. Незважаючи на велику кількість давньоруських прикрас, що зберігаються у фондах Національного заповідника «Глухів», не було з'ясовано їх походження, адже вироби могли бути зроблені як місцевими майстрами, так і завезеними з інших регіонів.

Цьогорічна знахідка дала підстави стверджувати, що у місті все ж таки працювали майстри ювелірної справи. Мова йде про комплекс матриць-виколоток для виготовлення щитків каблучок, декоративних ціпків-рясен та колтів, знайдений на північно-західній околиці Глухова. Всі матриці зроблені із мідного сплаву і, ймовірно, належали одному майстру, який спеціалізувався на виготовленні ювелірних виробів методом виколотки – одного із способів холодної обробки металу. Він полягав у тому, що на рельєфну матрицю клали золоту або ж срібну фольгу і оббивали виколоточними молотками, доки фольга не приймала потрібну форму. Об'ємні, але пустотілі вироби могли спаювати між собою та поєднувати у композиції. Таким чином готова прикраса виглядала масивно та багато.

Серед інших на особливу увагу заслуговує цільнолита мідна матриця для виготовлення округлих випуклих стулок колтів. Вона важить 47 г. Її зворотний бік гладкий, лицевий – випуклий і прикрашений вдавленим рослинним орнаментом. При обробці фольги на виробі утворювалися вдавлені лінії, що повторювали малюнок матриці. Можна припустити, що виїмки готового виробу заповнювались сульфідами срібла.

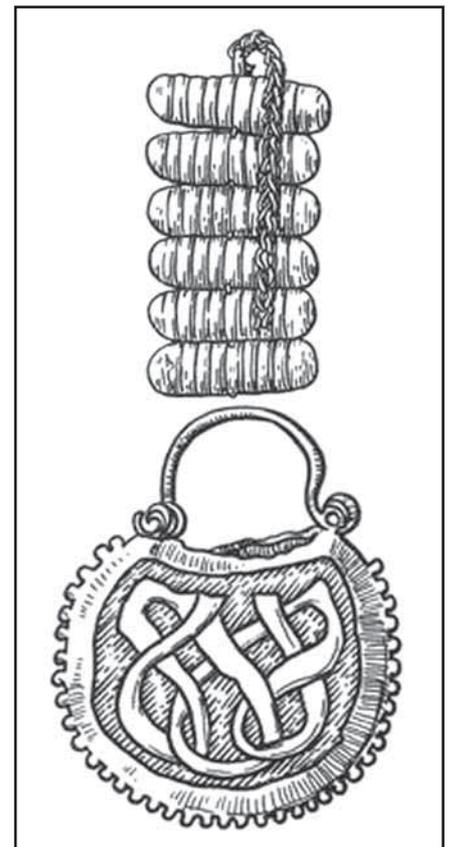

Матриці для виготовлення рясен та колтів, знайдені у Глухові

Таким чином малюнок колта додатково декорувався чорнінням.

Глухівський ювелір, маючи такий комплект матриць, міг виготовляти рясна, до нижнього краю якого кріпились колти – давньоруські жіночі прикраси, що підвішувалися до головного убору або стрічки і спускалися до плечей. Подібні прикраси в домонгольський період могли дозволити собі лише представники заможних верств населення.

Наразі у Глухівському районі не було знайдено жодного зразка ювелірних прикрас, виготовлених місцевими майстрами. Можливо, прикраси із коштовних металів вивозилися до більш багатих на боярську знать регіонів, де й

Графічне зображення рясни та колту

продавалися. В свою чергу з інших міст до ювелірів потрапляло золото та срібло.

Знахідка такого комплексу є дуже важливою у дослідженні торгових стосунків Глухова з іншими регіонами. Маємо надію, що вироби місцевих ювелірів обов'язково будуть знайдені і посядуть своє почесне місце в музейній збірці.

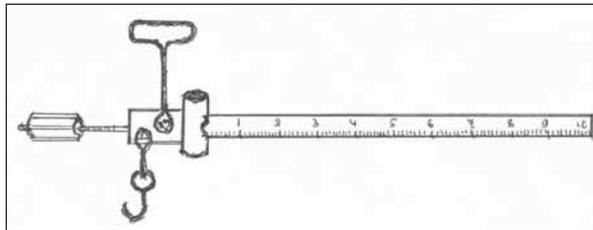
**Игорь
СБИТНЫЙ**
Кривец
г. Глухов

ПЛОЩАДЬ ЛЕНИНА

До революции на современной площади Ленина находились сеной и хлебный базары, где продавались сено, фураж, зерно, мука, крупы. В конце 20-х годов сюда с Базарной площади (теперь сквер Борзнянского и Березовского) перенесли продовольственный рынок. Его оборудовали деревянными длинными столами, над которыми после войны сделали навесы. Ежедневно тут продавали молочные продукты: свежее и топленое молоко, задаванку, сметану, творог, масло, сливки. Всего этого в магазинах не было – холодильники тогда еще не появились. Свежее молоко продавалось в бутылках, а топленое и задаванка – обязательно в гончарных «полив'яних» кувшинах ёмкостью 1 л, 1,5 л, 2 л (самый ходовой), 2,5 л. Молочные продукты старались покупать у одной и той же хозяйки, обмениваясь кувшинами, так как перелитая продукция меньше хранилась. Сливочное масло продавалось лепешками размерами с ладонь и толщиной 3–4 см.

Кроме крестьян молочную продукцию продавали и горожане. Они держали коров как на окраинах, так и в центре города. Топленое молоко (не

кипяченое) томилось в русской печи при небольшой температуре в кувшинах. Они были с верхком покрыты поджаренной пленкой. Молоко для «задаванки» (ряженки) томилось в печи, пока не утапливалось примерно на 20 % и становилось цвета кофе с молоком. После этого в кувшин добавляли пол литра сметаны, перемешивали, снова ставили в печь и доводили до готовности (вкусно, пальчики оближешь!) при малой температуре.

Безмен. Рисунок автора

Из растительных масел в основном продавалось конопляное. Огороды обсаживались подсолнечником как в селе, так и в городе, но местная селекция сортов оставляла желать лучшего – масла в них было «как кот наплакал». Несмотря на большой размер семечек, их вкус уступал современным сортам. Осенью при уборке картофеля из стеблей под-

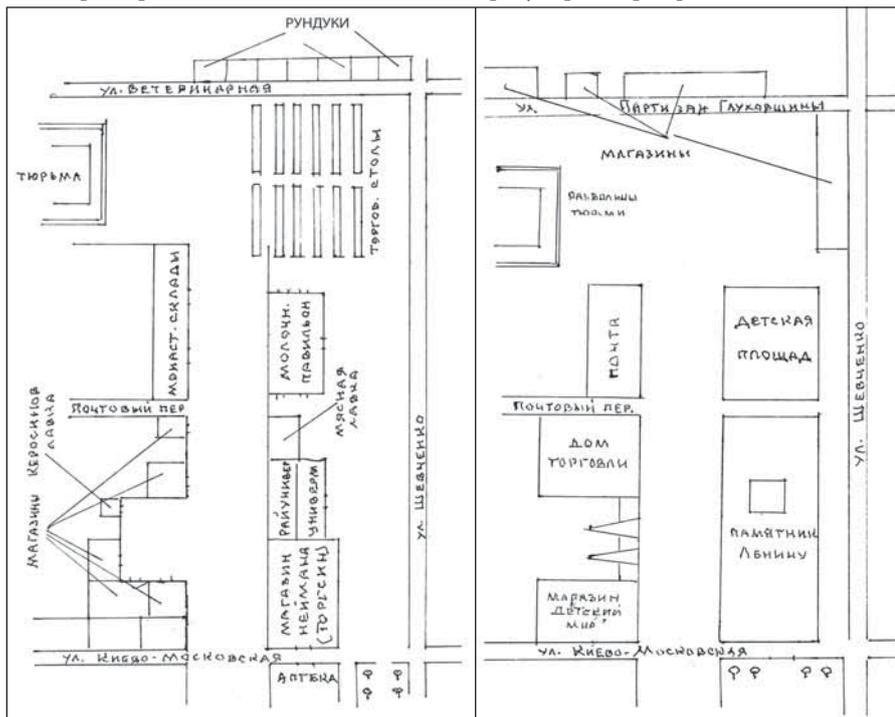
солнечника ребята строили шалаши.

В связи с тем, что автобусного сообщения тогда ещё не было, продукцию из сел на базар доставляли на своих плечах и руках (одна корзина спереди, другая – сзади). Иногда для поездки на базар колхоз выделял подводу на 3–4 двора. Перед войной в более крупных хозяйствах появились грузовики – «полторки». Название колхоза было нанесено большими буквами на бортах каждой автомашины. Изредка они подвозили крестьян в город с товаром. Стоянка машин находилась по улице Шевченко, напротив базара.

Со временем площадь стали называть Базарной. Около стен тюрьмы продавали сено, дрова от разобранных старых построек, зерно, желуди, макуху. В 30-х годах зерно, мука, фураж продавались еще на пуды (16 кг) и фунты (примерно 400 г). Они взвешивались на безмене (весы из металлического стержня с грузом на одной стороне и передвигающейся гирей на другой). Шкала была поделена на фунты. Безмен в Глухове чаще называли «кантером». В конце 30-х годов промышленность начала выпускать безмены для взвешивания 10 и 20 кг с делениями шкалы на 100 грамм и килограммы.

Еще задолго до революции 1917 г. на площади, где сейчас стоит памятник Ленину, купец Нейман построил двухэтажное здание фруктового магазина, фасадная часть которого выходила на Киево-Московскую улицу. В начале 30-х годов в этом здании размещался магазин «Торгсин», в котором за золотые и серебряные вещи можно было купить любые продукты. Где-то с 1935 г. в нем находился продовольственный магазин. В дореволюционное время рядом пристроили еще несколько магазинов, которые позже национализировали. Перед войной на западной стороне был магазин «Райунивермаг» потребкооперации, на восточной – универмаг госторговли. К ним примыкала мясная лавка. В сентябре 1943 г. эти магазины сравнились с землей во время немецкой бомбежки.

В начале 30-х годов посреди

Схемы довоенной Базарной площади и современной площади Ленина. Рисунки автора

площади появился легкий молочный павильон (примерно 40 x 10 м). Он имел шалёванный низ и застеклённые до потолка стены. В павильоне находилось четыре ряда прилавков. Поскольку строение стояло на наклонной плоскости, то при входе в него с северной стороны надо было подниматься по ступенькам на 1,5 м, а с южной – спускаться вниз. Павильон уцелел в войну и был разобран только тогда, когда базар перенесли на новое место. В конце 50-х севернее молочного построили кирпичный мясной павильон, но и его постигла та же участь.

При строительстве современного Дома торговли были снесены большой продовольственный магазин из кирпича и фуражный магазин, стоявший на углу с Почтовым переулком.

На месте нового здания почты располагались складские помещения монастырского подворья в деревянном строении красивой архитектуры с колоннами (при бомбежке 1943 г. уничтожено). Позже здесь были построены магазины, которые разобрали при строительстве здания почты.

На Базарной площади в довоенное время

Павильоны Дома торговли располагаются на площадке, где стояло несколько магазинов (железоскобяной, комиссионный, промтоварный) и керосиновая лавка.

В 50-х годах на месте разрушенных магазинов был установлен памятник

Ленину, и площади присвоили его имя. В 1983 г. гипсовую скульптуру вождя заменили на бронзовую. Севернее памятника в 90-е годы размещался вещевой рынок, который позже перенесли на улицу Шевченко, а на его месте построили детскую площадку.

Феофан Пашкевич в воспоминаниях дочери Евы

Окончание.

Начало в номерах № 3(63)-5(65) 2014 г.

Вечерами в доме Пашкевичей собиралась передовая интеллигенция Глухова. Пожалуй, самым видным общественным деятелем в городе был Константин Павлович Ягодковский. Уроженец Украины, уже тогда видный биолог, он приехал из голодного Петрограда, где был директором передового Тенишевского училища и профессором Педагогического института им. А.И. Герцена. К.П. Ягодковский вернулся в Петроград на старое место работы в 1923 г. В начале 30-х он переехал в Москву, работал в Институте политического образования, в конце 30-х – репрессирован. Отсидев год, был сослан в Свердловск, однако впоследствии участвовал в разработке правительственного плана организации суворовских училищ. Умер в годы войны.

Назначенный директором Глуховского учительского института, К.П. Ягодковский привлек туда в качестве преподавателей лучших педагогов города. Среди них старейшим был Яков Николаевич Колубовский, читавший в инсти-

туте историю философии. Глуховчанин по рождению, он тоже вернулся в родной город в те трудные годы из Петрограда, где преподавал на высших педагогических курсах, а также был членом редакции журнала «Вопросы философии и психологии» и других изданий.

Кроме К.П. Ягодковского и Я.Н. Колубовского, у Пашкевичей часто бывали талантливые институтские преподаватели истории Сергей Федорович Иваницкий и Василий Константинович Федоренко. Они уехали из Глухова в 1923 г. С.Ф. Иваницкий преподавал в Ленинградском университете, стал доктором исторических наук. В.К. Федоренко работал школьным учителем. Оба погибли от голода в период блокады Ленинграда. Василий Константинович, несмотря на занятость, через день посещал в Ленинграде Ф.А. Пашкевича, когда тот был смертельно болен зимой 1940–1941 г.

В круг друзей Феофана Александровича входил и М.П. Лукьянович – учитель латинского языка Глуховской мужской гимназии, скрипач. Он с большим энтузиазмом занимался с молоде-

жью гимнастикой, организовал в городе Сокольский клуб, насчитывавший около 60 человек девушек и юношей. Занятия гимнастикой проходили в зале и во дворе Учительского института.

На вечерах у Пашкевичей читались стихи А. Блока, А. Ахматовой, В. Маяковского, Э. Багрицкого – любимых поэтов той поры. В город их сборники, переписанные от руки, попадали из Москвы, Петрограда. В магазины в то трудное время книги почти не поступали.

Из местных поэтов, выступавших в городе на модных тогда «поэто-вечерах» и концертах, Пашкевичей посещал Владимир Владимирович Литвинов – выходец из широко разветвленного рода Черниговской губернии. Он родился и учительствовал после университета в с. Полошки Глуховского уезда, а затем – в городе. Здесь в 1922 г. вышла его первая книжечка стихов. Позже он был приглашен в Москву М. Кольцовым, редактором «Огонька», сотрудничать в журнале. Но в Москве Литвинов вернулся в школу, влюбленный в свою учительскую профессию, и преподавал литературу еще 36 лет. Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Одним из его учеников был большой советский поэт Александр Межиров, который в своих воспоминаниях сказал: «Он был настоящим высоким поэтом...

Продолжение на стр. 4

Продолжение. Начало на стр. 3

Настоящий учитель. Настоящий Поэт». На одном из Всероссийских учительских съездов В.В. Литвинов был назван «учителем, известным всей стране».

Несмотря на частые перемены власти в Глухове, культурная жизнь в нем не прекращалась: шли занятия в Институте народного образования, школах, функционировала больница, аптека, другие организации. Полуголодная, раздетая, разутая интеллигенция работала самоотверженно.

Самыми трагичными для населения тогда были дни и часы смены власти. Вот один из таких моментов. В ноябре 1919 г. под городом уже шли бои с деникинцами, и стоявшие в Глухове белогвардейские части готовились отступать; вместе с ними эвакуировались и люди, причастные к злодеяниям белых. И вот в городе распространился слух о том, что чекисты расстреляют всех, кто служил в городских учреждениях при деникинцах. Началась паника, вспоминали погром 1 января 1918 г. Немало интеллигенции бежало в Новгород-Северский, Путивль. Помнится, что из врачей остался только Ф.А. Пашкевич и Я.С. Ступаков. Однако никаких репрессий со стороны советской власти, установившейся в Глухове 17 ноября 1919 г., не последовало, и бежавшие начали возвращаться в свои тем временем обворованные квартиры...

Среди вернувшихся «из бегов» учителей была и семья Я.Я. Ступки. Он, жена и две маленькие дочки жили у нас, пока пришли в себя и привели в порядок опустошенную квартиру. После Великой Отечественной войны, в середине 50-х годов, мы разыскали Ступок в Чехословакии и позже обменялись визитами. Прося советские органы власти дать нам визу для поездки в Прагу, Я.Я. Ступка писал: «Пашкевич нам больше, чем кровный родственник. Когда мы жили в Украине, в тяжелейшем 1919 г. они дали нашей семье кров и много лет поддерживали нас материально».

Отец был самым почитаемым врачом не только в городе и районе, но даже за пределами губернии. Через 25 лет после его смерти, будучи в Глухове, мы с мужем на машине ездили в с. Ярославец Кролевецкого района навестить его друзей и присели отдохнуть пред въездом в село «на колодки» под чьей-то хатой, где уже сидели старики. Узнав, кто я, один из них долго вспоминал, кого и от чего вылечил Пашкевич, а другой сказал: «А голвне, що був ще й доброю людиною».

Д.Д. Галанин в своих воспоминаниях пишет, что сразу же после возвращения Феофана Александровича в Глухов из Москвы двор его дома был весь забит

телегами и бричками. Это приехали больные, мгновенно узнав о приезде доктора. Далее он напоминает, что прожил во время командировки в Глухове у Пашкевичей «на полном обеспечении» и получил продукты перед обратной дорогой: «Это делалось с таким радушием, что я не мог отказаться».

В ту пору в селах больниц и поликлиник не было. Городские же медицинские учреждения не в состоянии были обслужить всё сельское население. Отец, как и все глуховские врачи, принимал больных на дому. В обстановке «натурального хозяйства» того времени, когда при непрерывной смене властей появлялись то одни, то другие деньги, и они почти не имели цены, больные расплачивались с врачами продуктами. Естественно, семья не могла «освоить» всего приносимого, тем более, что у нас было свое хозяйство, огород. Очень большая часть продуктов, полученных как гонорар, разносилась нами многочисленным друзьям и знакомым. Не многие из интеллигенции города имели огороды, садики, живность, а жалкие пайки (хлеб, редко подсолнечное масло, селедка, вобла, пшено) выдавались только в те месяцы, когда устанавливалась советская власть. При других же властях и этого не было. Не говорю уже о том, что врывавшиеся в город банды просто грабили население, отбирая скот, птицу, домашнее имущество.

Феофан Александрович любил пошутить. По поводу своих заработков от частной практики у него было две стандартные шутки: «Если бы можно было воспользоваться тем, что я зарабатываю, мы бы давно жили в хрустальном дворце»; «Что я получаю через парадный ход, жена и дети выносят через кухню». Очень часто, выходя вечером через парадную дверь, чтобы посетить больных в городе, он и сам нес в своем клетчатом чемоданчике мешочки с крупой, мукой для тех, кто в этом нуждался.

В 1923 г. семья переехала в свой дом, купленный Феофаном Александровичем еще в 1917 г. К нему была сделана пристройка, так что теперь стало 5 комнат, галерея, где стоял верстак, и большая прихожая-ожидальня для больных, а также кухня и ванная. Но водопровода в доме не было. Семье был нужен просторный дом, так как у нас всегда кто-то жил из родных: наезжала в отпуск из Киева самая младшая сестра Татьяны Викторовны Милица Дорошенко; два года жила ее сестра Раиса с мужем; несколько лет – сестра отца мамы – тетя Елена Павловна (тоже из Киева). У нее были парализованы ноги. На костылях она кочевала из дома в дом, что-то шила

и перешивала, но когда у нее клиентов не было, мама забирала ее к нам.

В начале 30-х годов Ф.А. Пашкевичу пришлось пережить тяжелый удар. Его сестра, Пелагея Александровна, жившая в Житомирской губернии, уйдя на пенсию и продав дом со всем имуществом, собралась переехать к нам на жительство, но в ночь перед отъездом была зверски убита бандитами грабителями. Хоронить её поехала Татьяна Викторовна. Вскоре после этого еще одно горе постигло семью: Т.В. Пашкевич была арестована по обвинению «в принадлежности к националистической антисоветской организации «Союз визволення України». Более года она была в тюрьме. Отец ездил в Киев хлопотать по ее делу. Через несколько лет ему пришлось еще раз посетить в Киеве те же высокие инстанции по делу мужа двоюродной сестры Татьяны Викторовны, жившего в Путивле, – Григория Ивановича Коняева. Г.И. Коняев в период гражданской войны – командир 1-го Путивльского партизанского отряда – был в 1937 г. арестован по клеветническому обвинению как враг народа. Поездка отца с женой арестованного родственника в Киев по этому делу оказалась безрезультатной. В 1944 г. он вернулся из лагеря и умер, а позже реабилитирован.

Феофан Александрович был великим тружеником. Утром, до ухода в больницу или в поликлинику, он успевал принять двоих-троих больных, а вечером, после отдыха, – еще нескольких. Отказать им было невозможно, так как эти люди десятилетиями лечились у «своего» доктора. А вообще-то день у отца начинался с 5 часов утра. Чтобы быть способным «так держать!», в холодную пору года каждое утро он принимал холодный душ (к этому причил и дочерей). Летом же это была прогулка босиком по траве в саду, а потом поездка на велосипеде на Павловку купаться (он был отличный пловец). Жители Путивльской улицы и Содатской слободки говорили: «Вже шість годин, доктор Пашкевич поїхав з купання».

Все же, вероятно из-за напряженного темпа жизни, у отца не проходила язвенная болезнь желудка, бывшая у него много лет. Помню, как на работу он брал с собой бутылочку молока, чтобы облегчить боль. Из-за этой болезни он в последние годы жизни ушел из хирургического отделения больницы, престал делать полостные операции. Несколько лет он работал как глазной врач, а в отпуск ездил в Одессу, в клинику «к Филатову».

Коллектив Глуховской земской больницы. В центре - Феофан Пашкевич

В 1937 г. болезнь отца обострилась, и мама повезла его в Москву. В 1-й Градской больнице операцию ему сделал ведущий хирург больницы, академик АМН СССР Сергей Иванович Спасокукоцкий – бывший коллега по земской больнице Смоленска. Выйдя из операционной, профессор сказал нам, дочерям больного: «Все в порядке: сделал, как самому себе!».

К несчастью, не все было в порядке – семью ждала новая беда. После выздоровления отца, накануне отъезда в Глухов, Татьяна Викторовна, выйдя из аптеки, возле Большого театра попала под такси. Переломы ноги, руки, ребер. Будучи еще в памяти, мама сказала дочери Орысе: «Очки разбились, надо заказать новые, а, впрочем, уже не надо...И помни, если будет суд, шофер не виноват: моя вина, я пошла на красный свет». Чистейшей души человек в жизни, такой она и ушла из нее.

Все хлопоты по похоронам мамы взял на себя племянник Феофана Александровича Алексей Гордасевич. Он был пятилетним мальчиком, когда 23 года назад, в начале Первой мировой войны, приехал, как вся его семья, «беженцем» в Глухов из «Царства Польского», и встретил в семье дяди любовь и ласку тети Тани. Теперь он с тремя ее дочерьми шел пешком через всю Москву за катафалком до крематория.

Не могу не вспомнить странного обстоятельства. В 30-х годах в Глухове как-то летом за большим обеденным столом собралась вся семья: дочери, постоянно жившая у бабушки и деда старшая внучка Таня, другие внуки. Феофан Александрович сказал, делаясь новостями из только что прочитанной газеты: «Знаете, в Москве построили крематорий». А мама отозвалась: «Я

бы очень хотела быть кремированной». Так исполнилось ее желание...

После смерти жены Ф.А. Пашкевич пригласил для ведения хозяйства старушку-француженку Марию Карловну Лютую. Она жила в маминной комнате со своим больным мужем, который был намного старше ее и года через два умер. Это были люди не простой судьбы. До революции П.П. Лютый владел имением, был местным помещиком, имел большой дом в городе. Мария Карловна работала гувернанткой. Они поженились в 1917 г. После революции имение, как и дом, были конфискованы. Лютые остались не у дел и много лет испытывали нужду.

Уклад жизни отца остался старым. Всётакжевоспитываласьпринемвнучка Таня, на кухне трудилась Ольга, летом бывали в отпусках дочери с внуками. Ежедневно, как и в предыдущие 15 лет, к обеду приходила одинокая старушка Вера Александровна Калашникова, бывшая акушерка, прослужившая вместе лет двадцать до пенсии.

Как и в прошлые годы, Феофан Александрович использовал отпуска для посещения клиник Одессы и Киева. В Киеве у него с конца 20-х годов появился молодой друг, близкий товарищ старших его дочерей – Евгений Иванович Квасников. С ним были прогулки по любимому городу, а также катание на лыжах.

Евгений Иванович впоследствии стал крупным биологом, членом-корреспондентом Академии наук УССР. В недавнем письме ко мне он написал: «Наши беседы велись по вопросам науки, медицины, социологии, литературы... Я теперь только полностью понял, как он многое предвидел, как правильно были его прогнозы... Я посещал его

в больнице, где он совершенствовался в глазной клинике на улице Чкалова, а также, когда лежал в Октябрьской больнице и решался вопрос о его операции... Твой папа был одним из замечательных людей, которых я встречал в жизни».

В 1940 г. отец ушел на пенсию и уехал к дочерям в Ленинград. Там он решил лечь на операцию, чтобы избавиться от старческого недуга, который беспокоил его, заставляя вставать ночью. Лежа в больнице им. И. Мечникова, он предложил профессору И.Н. Шапиро, собиравшемуся его оперировать, новую методику: сделать операцию не в два этапа, а одновременно. «Я давно хотел попробовать, но кто согласится на этот эксперимент?», – сказал профессор. «На ком же попробовать, как не на коллеге-хирурге», – ответил отец. И операция состоялась.

Отец умер через два с половиной месяца от уремии. Когда мы, младшие дочери, посещавшие его ежедневно, пришли к нему 17 января 1941 г., он, посмотрев на ногти пальцев рук, спокойно сказал нам и присутствующему дежурному врачу: «Завтра будем прощаться. Прошу всех быть свидетелем моих слов: операция мне была сделана профессором Шапиро по моей инициативе и по согласованной со мной методике».

Феофан Александрович Пашкевич скончался 18 января 1941 г. на 70-м году жизни. Он похоронен на Шуваловском кладбище Ленинграда. Его могила на горке. Над ним – сосны и клены, внизу – озеро. На памятнике значатся также имена его внука (Эрика Васильевича) и правнука (Никиты Эриковича Пашкевича), захороненных в 1985 и 1987 годах.

Послесловие

Работа над биографией отца начата была мною по заданию «Музею видатних діячів української культури», собиравшего жизнеописания членов «плеяды» – друзей Леси Украинки к ее юбилею. Потом с той же просьбой обратился архив г. Глухова, высказав пожелание охарактеризовать и среду, и обстановку, в которой жил и работал доктор Пашкевич. И, наконец, внуки просят дать биографию их прадеда на фоне истории его семьи, ее быта.

Мне ясно, что попытка сочетать все три линии привела к неудаче. Но писать три разных работы я не в состоянии. Пусть каждый возьмет из этой то, что ему нужно.

*При работе мне помогала сестра Оксана.
Ева Пашкевич, 20 июня 1990 г.*

**Юлія
ШИШКІНА**
Науковий співробітник
Національного
заповідника «Глухів»

Продовження.

Початок у № 4 (64) - 5 (65) 2014 р.

Свято-Троїцька церква розташовувалась на Соборній площі. Збудована у 1746–1786 рр. на кошти скарбниці та пожертвувань. Після пожежі відновлена. Будівництво закінчено за рахунок скарбниці у 1795–1806 рр. Церква кам'яна, міцна, з кам'яною дзвіницею. Престолів п'ять, всі теплі: головний – на честь Св. Трійці, праворуч – на честь Св. Захарія та Єлизавети, ліворуч – Св. Великомучениці Варвари, на хорах – праворуч – Св. Митрофанія Воронежського, ліворуч – Св. Архистратига Михаїла.

По штату при церкві служили протоієрей, священник, дякон та два псаломщики, від казни жалування не отримували. З 1875 р. від орендної плати за церковні лавки виплачувалось: протоієрею – 300 крб., священнику – 250 крб., дякону – 180 крб., двом псаломщикам – по 140 крб. на рік.

У 1911 р. церквою отримано 1500 крб. прибутку. Від 383 прихожан надходило за рік 200 крб. на весь причт. Землі при церкві малося 1063 кв. сажні. На відстані 5 верст від церкви знаходилось 8 десятин 1932 кв. сажні посівної землі, прибуток від якої становив 50 крб. на рік. Церкві також належало 32 номери кам'яних лавок, розташованих навколо неї у вигляді огорожі. Лавки здавалися в оренду господарським способом. Будинки, у яких розміщувалися квартири для причту, були старими

Свято-Троїцька церква

Парафіяльне життя Глухова початку ХХ ст.

(крім № 2) і потребували капітального ремонту. Один із псаломщиків взагалі не мав житла, і йому надавали від церкви на квартирні витрати 12 крб. на рік. Копії метричних книг зберігалися з 1823 р., сповідальних – з 1823 р.

Церковна школа, у якій навчалось 39 дівчаток, розташовувалась у квартирі священника, на утримання якої церквою виділялося 89 крб.

У 1911 р. церковним старостою був міщанин Федір Кирилович Куликов, настоятелем – протоієрей Микола Стефанович Разнатовський, 1834 р. н. Він закінчив Чернігівську духовну семінарію у 1857 р. Удівець, мав 5 дітей. Священик – Іван Михайлович Андрієвський, 1856 р. н., у 1878 р. закінчив Орловську духовну семінарію. Був одружений і мав 8 дітей.

**Приход соборної
Свято-Троїцької церкви**

Соціальний стан	Будинки	Чоловіки	Жінки
духовні	4	22	7
дворяни	17	50	54
міщани	40	110	140
селяни	5	29	38
інших	2	3	2
всього	68	996	1082
іновірців	-	600	640

Спасо-Преображенська церква холодна, однопрестольна, збудована у 1765 р. коштом артилериста Григорія Кологривого за допомогою прихожан та добровільних пожертвувань. У 1867 р. коштом надвірного радника Стефана Яковича Спановського була споруджена тепла двопрестольна прибудова. Церква кам'яна, міцна, вкрита залізом. Міцна, вкрита залізом кам'яна дзвіниця збудована окремо від церкви. Навколо храму та дзвіниці з трьох боків малася кам'яна огорожа із залізними ґратами.

Головний престол на честь Преображення Господнього розташований у холодній церкві, у теплій – престоли на честь Введення в храм Пресвятої Богородиці та на честь Святителя Тихона, єпископа Воронежського. По штату при церкві були священник, дякон та псаломщик, але платню від скарбниці вони не отримували. Церква утримувалась за

рахунок трьох у земській лікарні, пожертв від прихожан та відсотків від уставного капіталу, покладеного на помилування.

Присадибної землі при церкві разом із погостом малося $\frac{1}{4}$ десятини кв. сажню, орної – 2 десятини 1616 кв. сажень за дві версти від церкви. На цій землі раніше знаходився цегляний завод. Прибуток від неї на користь церкви становив 50 крб. У 1911 р. загальний прибуток складав 300 крб.

При церкві знаходилось два будинки, збудовані у 1890–1901 рр. коштом духовно-приходського опікування та прихожан. Хата з двором здавалась в оренду за 30 крб. на рік. Дерев'яний будинок священника мав необхідні споруди: сарай для дров, льодовник. В іншому будинку знаходилось дві квартири для дякона та псаломщика. Всі приміщення потребували ремонту. Приписана до церкви каплиця розміщувалась у ряді кам'яних лавок, що стояли на території приходу. У каплиці час від часу проходила служба.

Опис церковного майна, що вівся з 1855 р., був перевірений у 1903 р. Копії метричних книг зберігалися з 1801 р., сповідні розписи – з 1815 р. У церковній бібліотеці налічувалось 125 книжок для читання. До приходу відносилось Міністерське двокласне міське училище.

Посаду старости з 11 червня 1894 р. обіймав Фома Євстратович Шинкаренко. Священником служив Іоанн Михайлович Богуславський, 1855 р. н., зі стану священників; на службі з 1886 р. Нерухомого майна не мав, у 1879 р. закінчив курси при Чернігівській духовній семінарії. З 1882 р. учителював при Земському начальному народному училищі. Дружина – Марія Григорівна – 1863 р. н., донька священника. У подружжя було 5 синів та 4 доньки.

**Приход
Спасо-Преображенської церкви**

Соціальний стан	Будинки	Чоловіки	Жінки
духовні	3	17	19
дворяни	31	46	66
міщани	41	87	112
селяни	18	54	59
євреї	60	180	175
інославні	2	-	3

Продовження в наступному номері

Вера
НАЗАРОВАГенеалог
г. Москва*Продолжение.**Начало в №1(61), 3(63) - 5(65) 2014 г.***СМАКОВСКИЙ**

Глухов. У восточной стены Вознесенской церкви в этот осенний день 1910 г. невероятно много людей, очень-очень много людей – молодые, совсем еще студенты, и очень пожилые, коллеги, друзья, близкие. Раздаются официальные речи с соблазнами, слышны нежные, очень теплые воспоминания знавших усопшего, говорится много слов, которые свидетельствуют о горячей и глубокой признательности жителей города к покойному, как человеку, так и врачу. Хоронят Александра Васильевича Смаковского, всего 5 лет прослужившего в Глухове уездным врачом.

Александр Васильевич Смаковский родился 1 декабря 1862 г. Он был един-

Александр Васильевич Смаковский

ственным поздним ребенком в семье Софии Николаевны и Василия Александровича Смаковских. Отец более 20 лет посвятил военной службе, уйдя в отставку в 1853 г. В годы Крымской войны Василий Александрович был в государственном подвижном ополчении и окончательно оставил службу лишь в 1857 г. в чине подполковника. В детские годы Саша вместе с родителями жил в Валковском уезде Харьковской губернии, а затем был отдан в Петровскую Полтавскую военную гимназию, которую окончил в 1880 г. Продолжать военную карьеру Смаковский не стал, был уволен из военной службы и поступил в Императорский Харьковский Университет, который окончил по медицинскому факультету в 1887 г. со степенью лекаря и званием Уездного врача. Первые годы после окончания учебы он работал земским врачом в с. Чутово Полтавской губернии. В начале 1890-х годов,

основываясь на своей земской практике и академических знаниях, Александр Васильевич начал активно печататься в газете «Медицина». В 1891–1894 гг. были опубликованы его статьи: «К особенностям эпидемий и терапии брюшного тифа», «К вопросу о распознавании и этиологии желчных камней», «К вопросу о терапии сердечной слабости при артериосклерозе», «Об алгидной холере и ее лечении», «Об основных показателях при лечении инфекционных болезней». Позднее они вышли отдельными изданиями. В 1894 г. доктор Смаковский имел вольную медицинскую практику в Харькове, а затем состоял врачом на свеклосахарном заводе в Слободе Любимовке Суджанского уезда Курской губернии. К этому времени уже существовала связь Александра Васильевича с Глуховом. Возможно, его супруга, Варвара Григорьевна, была родом из этого города. Именно в Глухове в июле 1895 г. родился Николай, старший сын доктора Смаковского, а затем и младший – Дмитрий. Тем временем Александр Васильевич продолжал служить в должности заводского врача, но теперь уже в Чернигове. В 1903–1905 гг. он вернулся к земской службе и состоял санитарным врачом в Ахтырке Харьковской губернии. Все это время А.В. Смаковский мечтал соединиться с семьей, жившей в Глухове, и ждал любого освободившегося в этом городе места врача. Лишь 1 июня 1905 г. по протоколу Врачебного Отделения Черниговского Губернского Правления, 31 мая 1905 г. состоявшемуся и утвержденному Начальником губернии, Смаковский был назначен исполняющим должность Глуховского Уездного Врача, а еще спустя 2 года, 30 апреля 1907 г., был окончательно утвержден в этой должности. Многим Александр Васильевич был знаком как врач Глуховского учительского института, должность которого он занимал в это же время.

Доктор Смаковский скончался в Харькове 11 сентября 1910 г. от воспаления почек. Его похоронили в Глухове на Вознесенском кладбище.

Вдова Александра Васильевича до революции продолжала жить в Глухове, где имела недвижимость и уважение горожан. Старший сын, Николай, в 1914 году окончил Александровское военное училище. В качестве командира батальона лейб-гвардии Литовского полка он принимал участие в Первой мировой

Памятник А.В. Смаковскому на Вознесенском кладбище

войне. В 1915 г. Николай был контужен в боях, но остался в строю, в 1916 г. стал Георгиевским кавалером. Революция застала его за пределами Родины. В 1919–1920 гг. он вернулся в Россию и принимал участие в белом движении в составе Северного фронта. Погиб в 1920 г. в чине подполковника и звании командира 3-го батальона Архангелогородского стрелкового полка. Младший сын, Дмитрий, тоже пошел по военным стопам. В 1918 г. подпоручик Смаковский в составе Вооруженных сил Юга России выступал на стороне белых войск, вместе с Русской Армией участвовал в боях в Крыму до самой эвакуации, которая началась в ноябре 1920 г. Вместе со 150 тысячами военных и их семей Дмитрий Александрович был эвакуирован из Крыма и высажен на греческий полуостров Галлиполи. После тяжелейшего года, проведенного в Греции, Дмитрий Александрович в составе Гвардейского отряда оказался в Болгарии, согласившейся принять части Русской Армии. Оставшиеся годы прожил в эмиграции, навсегда покинув родную страну, Глухов...

Сотни тысяч русских эмигрантов, оказавшихся после гражданской войны разбросанными по всему миру, на протяжении многих лет свято хранили память о Родине, вдали от родного отечества преумножали его духовные сокровища, передавали детям неиспорченный русский язык, православную веру, нравственные основы человеческой жизни, исторические предания седой старины и

Продолжение на стр. 8

Продолжение. Начало на стр. 7
недавнего прошлого, родословные сво-
их заслуженных предков. Тем временем
на тысячах кладбищах этого Отечества

безвозвратно исчезли, существуют, но
стоят заброшенными, позабытыми или
безмянными могилы предков ушедших
в изгнание сынов Великой страны, как

стоит сейчас на глуховском Вознесен-
ском кладбище белый мраморный мону-
мент доктору Александру Васильевичу
Смаковскому...

ЧЕРНИГОВСКИЯ ГУБЕРНСКИЯ ВЪДОМОСТИ

№ 14, Четверг, 16-го февраля 1889 года

Глухов. Ко многим другим, более или менее терпимым неустройствам нашей захолустной жизни, мы уже давно привыкли, между тем есть такие неудобства, с которыми никоим образом невозможно примириться даже самому неприхотливому в других отношениях человеку. К числу этих, так сказать невыносимых, неудобств прежде всего следует отнести отсутствие у нас в Глухове какого бы ни было контроля за тем, что служит нам самой необходимой обыденной пищей. В особенности же это нужно сказать о мясе.

Всем и каждому хорошо известно, как много существует различных болезней, могущих передаваться человеку от больных животных, при употреблении в пищу мяса таковых, не говоря уже о том, как должно возмущаться при этом естественное чувство брезгливости. Ящур, оспа, множество видов всевозможных глист и жемчужная болезнь у рогатого скота (туберкулез у людей), – все это, быть может, только незначительная часть болезней, так или иначе переходящих от животных к людям не только при непосредственном обращении последних с больными животными, но еще, пожалуй, чаще при употреблении мяса и других продуктов от таких животных в пищу. Так, например, в последнее время в медицинской литературе встречаются указания на случаи заболевания скарлатиной детей, кото-

рых кормили молоком от коров со своеобразным заболеванием вымени. Уже этих одних коротких соображений, казалось бы, нам достаточно для того, чтобы пожелать скорейшего введения у нас ветеринарно-полицейского надзора за убиваемыми на мясо животными. Все у нас для этого имеется налицо: в Глухове есть два ветеринарных врача, готовых, полагаем, принять на себя эту нетрудную для них обязанность. Правда, есть основания думать, что такой осмотр очень не понравится резникам евреям, зачастую, как нам это хорошо известно, скупающих заведомо больной скот у хозяев по уменьшенной цене. Кстати, не дурно было бы завести и регулярный осмотр мясных лавок на базаре, где всякий желающий может во всякое время увидеть, как бездомные собаки старательно вылизывают деревянные обрубки, на которых мясники имеют обыкновение рассекать на части продаваемое ими мясо. Все дело стоит здесь за инициативой представителей нашего городского самоуправления, и скажем прямо, городской управе давно уже следовало бы не только серьезно подумать о ежедневном ветеринарном полицейском осмотре продаваемого гражданам мяса, но и поскорее привести столь простую мысль в исполнение, хотя бы, например, из чувства самосохранения...

Хочется думать, что наша городская администрация поспешит воспользоваться нашим благом советом и позаботится, наконец, о таких, можно сказать,

самых простых мерах общественной чистоплотности. Отсутствие контроля за рынками или недостаточность его – явление весьма распространенное, против которого пора принимать меры. В губернском городе даже рынок представляет ряд явлений крайне нежелательных, но о них мы надеемся поговорить подробнее в недалеком будущем.

В Глухове меры на этот счет принимались действительно крайне медленно. Глуховская городская управа регулярно уклонялась от решения проблем и докладывала губернскому начальству о полном порядке в этой области городской жизни. Лишь в 1900 году, после назначенной Господином Начальником губернской комиссии, взамен старых, деревянных, не отвечающих своему назначению по своей ветхости и непригодности к убою скотобоен, было принято решение о безотлагательном устройстве в Глухове новых скотобоен, которые и были открыты в каменном здании вблизи Базарной площади. С этого же времени начался врачебный осмотр местным ветеринаром приводимого на бойню скота. Постановление об осмотре мясных продуктов, полученных вне городской скотобойни, а привезенных в Глухов для продажи, было издано лишь в 1913 году. По нему всё привозимое мясо должно было предварительно представляться на городскую микроскопическую станцию. Доброкачественность и безвредность к употреблению означенных продуктов удостоверялась наложением на них установленных пломб или клейм, без коих они в продажу не допускались.

Комментарий и подготовка к печати Веры Назаровой

Газета «Соборний майдан»

Засновник — Національний заповідник «Глухів»
Свідоцтво про реєстрацію № СМ 390 від 06.02.2004 р.
Адреса редакції: м.Глухів Сумської обл., вул.Шевченка, 30, тел. 2-35-57, e-mail: dikz@ukr.net
Номер підготовлено до друку у науково-дослідному відділі заповідника
Верстка Віктора ІСАЄВА
Газета надрукована у АТ «Шосткинська міська друкарня»
м.Шостка, вул. К.Маркса, 69
Підписано до друку 23.12.2014 р.
Тираж — 500 примірників. Замовлення № 6116.
Редакція газети «Соборний майдан» запрошує до творчого співробітництва науковців, краєзнавців, любителів старовини

Електронна версія на сайті <http://nz-hlukhiv.com.ua/>

Редакційна колегія

Світлана ЖУКОВА
Юрій КОВАЛЕНКО
Ірина МОШИК
Олександр МІРОШНИЧЕНКО
Віктор ІСАЄВ

РОЗПОВСЮДЖУЄТЬСЯ БЕЗКОШТОВНО